

Все расследования Шерлока Холмса

История Шерлока Холмса началась в 1887 году, когда свет увидела повесть Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Благородный герой, борющийся со злом, покорила публику, и еще сорок лет писатель радовал поклонников все новыми и новыми историями о непревзойденном детективе. В данном издании представлены пятьдесят шесть рассказов и четыре повести о приключениях Шерлока Холмса и его друга и биографа доктора Ватсона. Вместе они составляют полное собрание канонических произведений о знаменитом сыщике.

Гениального детектива и его отважного компаньона ждут самые запутанные преступления, поиски исчезнувших драгоценностей, расшифровка таинственных посланий, столкновение с чудовищем древнего рода и схватка с гением преступного мира. Ну а сначала доктор Ватсон переезжает в дом № 221-Б на Бейкер-стрит...

АРТУР
КОНАН
ДОЙЛ

ВСЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

КСД

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ВСЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

Сборник

ХАРЬКОВ
2022 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9482-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с английского *Виталия Михалюка*

Иллюстрации *Сидни Эдварда Пэджета*

Історія Шерлока Голмса почалася 1887 року, коли світ побачила повість Артура Конан Дойла «Етюд у багряних тонах». Шляхетний герой, що бореться зі злом, підкорив публіку, і ще сорок років письменник радував шанувальників все новими й новими історіями про неперевершеного детектива. У цьому виданні представлені п'ятдесят шість оповідань і чотири повісті про пригоди Шерлока Голмса і його друга й біографа доктора Ватсона. Разом вони складають повне зібрання канонічних творів про уславленого сищика.

Геніального детектива і його відважного компаньйона чекають найзаплутаніші злочини, пошуки зниклих коштовностей, розшифрування таємничих послань, зустріч із чудовиськом і сутичка з генієм злочинного світу. Ну а спочатку доктор Ватсон переїжджає в будинок № 221-Б на Бейкер-стріт...

Конан Дойл А.

К64 Все расследования Шерлока Холмса : сборник / Артур Конан
Дойл ; пер. с англ. В. Михалюка. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб

Семейного Досуга», 2022. — 1568 с. : ил.

ISBN 978-617-12-9154-6

История Шерлока Холмса началась в 1887 году, когда свет увидела повесть Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Благородный герой, борющийся со злом, покорила публику, и еще сорок лет писатель радовал поклонников все новыми и новыми историями о непревзойденном детективе. В данном издании представлены пятьдесят шесть рассказов и четыре повести о приключениях Шерлока Холмса и его друга и биографа доктора Ватсона. Вместе они составляют полное собрание канонических произведений о знаменитом сыщике.

Гениального детектива и его отважного компаньона ждут самые запутанные преступления, поиски исчезнувших драгоценностей, расшифровка таинственных посланий, столкновение с чудовищем и схватка с гением преступного мира. Ну а сначала доктор Ватсон переезжает в дом № 221-Б на Бейкер-стрит...

УДК 821.111

© Depositphotos.com / jamesstar, sundar, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Часть I. (Из воспоминаний доктора Джона Х. Ватсона, бывшего полкового лекаря)

Глава I. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я, получив степень доктора медицины в Лондонском университете, отправился в Нетли, чтобы пройти дополнительный курс, обязательный для всех военных врачей. По окончании я был зачислен в Пятый нортумберлендский стрелковый полк на должность младшего хирурга. В то время наш полк базировался в Индии, но, еще до того, как я успел прибыть в расположение, началась Вторая афганская война¹, так что, высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус ушел далеко в тыл противника и к тому времени уже находился в самом сердце вражеской территории. Однако я, как и многие другие офицеры, оказавшиеся в подобном положении, решил все же последовать за своим полком. Без особых приключений мне удалось добраться до Кандагара². Там я нашел свою часть и без промедления приступил к исполнению новых обязанностей.

Во время этой военной кампании многие снискали себе славу героев и заслужили повышение в звании, но только не я. Для меня это были сплошные беды и неудачи. Из моей бригады меня перевели к беркширцам, так что в роковой битве при Майванде³ я участвовал уже вместе с ними. Там я и получил ранение в плечо; пуля, выпущенная из длинноствольного джезайла⁴, раздробила кость и задела подключичную артерию. Я бы попал в руки беспощадных гази⁵, если бы не верный Мюррей, мой ординарец, который не оставил меня в беде. Он мужественно взвалил меня на спину вьючной лошади и сумел доставить в расположение британцев.

Меня, измученного болью и ослабевшего от бесконечных тягот армейской жизни, вместе с другими ранеными эшелонам отправили в главный госпиталь в Пешаваре⁶. Там я немного подлечился и оправился настолько, что уже мог без посторонней помощи перемещаться по палатам и даже выходил на веранду, но тут меня сразил брюшной тиф, проклятие наших индийских владений.

Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, но когда я все же преодолел болезнь и стал постепенно идти на поправку, медицинская комиссия, приняв во внимание мое ужасное истощение и общую слабость организма, пришла к выводу, что меня необходимо как можно скорее отправить домой, в Англию. Итак, на военно-транспортном корабле «Оронтес» я отплыл к родным берегам и спустя месяц высадился в Портсмуте⁷. Здоровье мое было безвозвратно потеряно, но правительство выделило мне пенсию, чтобы последующие девять месяцев я мог заниматься его восстановлением.

В Англии у меня не было ни родных, ни близких знакомых, поэтому, чувствуя себя вольной птицей (вернее, вольной ровно настолько, насколько позволял доход в одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день), я, естественно, направился в Лондон — Мекку для всех бездельников и лентяев Империи. В столице я остановился в одной из частных гостиниц на Стрэнде и какое-то время прожил там в бесцельной праздности, тратя деньги намного более свободно, чем следовало бы в моем положении. В конце концов состояние моих финансовых дел стало таким тревожным, что передо мной встал выбор: либо покинуть Лондон и уехать куда-нибудь в деревню, либо в корне поменять образ жизни. Выбрав второй путь, я начал с того, что решил первым делом переселиться из гостиницы в какое-нибудь менее престижное, но и не такое дорогое место.

Тот день, когда это решение окончательно сформировалось у меня в голове, я решил отметить походом в бар. Когда я уже стоял у двери «Крайтериена», кто-то похлопал меня по плечу. Обернувшись, я увидел молодого Стэмфорда, который был у меня ассистентом, когда я еще работал в Бартсе. Для одинокого человека встретить знакомое лицо в лондонском муравейнике — великая радость. Хоть закадычными друзьями мы со Стэмфордом никогда не были, я тепло приветствовал его, и он, в свою очередь, похоже, тоже был рад встрече. От избытка чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане, и мы тут же взяли экипаж и отправились в «Холборн».

— Ватсон, чем вы все это время занимались? — спросил Стэмфорд, рассматривая меня с нескрываемым любопытством, когда мы тряслись по запруженным лондонским улицам. — Вы высохли, как щепка, и загорели, как папуас.

Я в общих чертах описал ему свои приключения и закончил рассказ, как раз когда мы подъехали к ресторану.

— Вот ведь не повезло! — сочувственно покачал головой Стэмфорд, выслушав меня до конца. — И чем вы теперь собираетесь заняться?

— Хочу подыскать себе жилье, — ответил я. — Пытаюсь найти ответ на вопрос, можно ли найти в Лондоне приличные комнаты за разумную цену?

— Странно, — заметил мой попутчик. — Сегодня вы уже второй человек, от которого я слышу эти слова.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один мой приятель. Он работает в химической лаборатории при нашей больнице. Сегодня он все утро жаловался, что нашел прекрасные комнаты, но для него они дороговаты, а найти компаньона никак не получается.

— Надо же! — воскликнул я. — Так если он действительно ищет компаньона, чтобы жить в одной квартире и платить пополам, то я именно тот человек, который ему нужен. Да и мне было бы гораздо интереснее жить с соседом, чем одному.

Молодой Стэмфорд как-то странно посмотрел на меня поверх бокала с вином.

— Да, но вы не знаете Шерлока Холмса, — сказал он. — Может статься, что вам не захочется делить с ним кров.

— Что же в нем такого плохого?

— Я не говорил, что в нем есть что-то плохое, просто он немного... странноват. Он, пожалуй, слишком увлечен отдельными областями науки, но, насколько мне известно, Холмс — вполне порядочный человек.

— Надо полагать, он учится на медицинском факультете? — сказал я.

— Нет... Я понятия не имею, чем он вообще занимается. Он неплохо разбирается в анатомии и отлично знает химию, но, по-моему, никогда не посещал никаких систематических занятий по медицине. Его знания весьма неупорядоченны и обрывочны, но этих знаний у него столько, что он мог бы заткнуть за пояс многих профессоров.

— И что же, вы так ни разу у него и не спросили, для чего он изучает химию?

— Нет. Холмс не из тех людей, которые любят поболтать, хотя, если ему что-то интересно, он может быть довольно разговорчив.

— Думаю, мне стоит с ним встретиться, — сказал я. — Если уж и снимать квартиру с кем-нибудь, так уж лучше пусть это будет человек науки со спокойным характером. Я еще недостаточно окреп, чтобы переносить много шума или суматоху. В Афганистане этого было столько, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Как бы мне встретиться с этим вашим другом?

— Он наверняка сейчас сидит в лаборатории, — сообщил мой собеседник. — Холмс или не вылезает из нее сутками, или не бывает там месяцами. Если хотите, можем прокатиться туда после обеда.

— Конечно! — воскликнул я, и наш разговор перешел на другие темы.

Когда мы, покинув «Холборн», направились к больнице, Стэмфорд снабдил меня еще некоторыми подробностями о джентльмене, с которым я собирался делить крышу над головой.

— Только меня не винить, если вы с ним не сойдетесь, — сказал он. — Мне о Холмсе не известно ничего, кроме того, что я знаю о нем по встречам в лаборатории, да и там мы с ним видимся не так уж часто. Вы сами захотели с ним встретиться, так что вся ответственность на вас.

— Если уж мы действительно не уживемся, то нам ничто не помешает разъехаться, — сказал я. — Что-то мне кажется, Стэмфорд, — я с подозрением посмотрел на попутчика, — что вы уж слишком активно отстраняетесь от этого дела. Неужели у этого парня такой уж несносный характер? Или проблема в чем-то другом? Говорите прямо.

— Бывают вещи, которые трудно выразить словами, — засмеялся Стэмфорд. — Мне, например, кажется, что Холмс уж чересчур увлечен наукой... Он какой-то бездушный, что ли. Такое впечатление, что он мог бы подсыпать своему другу в еду какой-нибудь недавно открытый растительный алкалоид⁸, нет, не по злобе, конечно, просто из научного любопытства, чтобы понять, какое это произведет воздействие на организм. Впрочем, надо сказать, что Холмс так же охотно и сам принял бы яд. Похоже, его главное увлечение в жизни — это точные, достоверные знания.

— По-моему, это отлично.

— Да, но это может переходить границы. Когда дело доходит до избиения мертвецов палками в прозекторской, это уже выглядит довольно странно.

— Избиения мертвецов?

— Да, чтобы выяснить, какие кровоподтеки могут образоваться на теле после смерти. Я сам видел, как он этим занимался.

— Так вы точно знаете, что он не учится на медицинском факультете?

— Да. Одному Богу известно, что он изучает. Однако мы уже почти пришли. Вам лучше самому составить о нем мнение.

Мы свернули на узкую улочку и вошли в небольшую дверь, которая вела в один из флигелей громадного здания больницы. Здесь я был не впервые, так что мне не нужно было показывать дорогу, когда мы поднимались по массивной каменной лестнице и шли по бесконечному коридору с побеленными стенами вдоль одинаковых серых дверей. В конце от коридора отделялось неприметное ответвление с низким сводчатым потолком, которое и вело в химическую лабораторию.

Это огромное помещение было сплошь забито химической посудой. Низкие широкие столы щетинились ретортами, пробирками и маленькими бунзеновскими горелками с подрагивающими голубыми язычками пламени. В комнате находился лишь один студент. Он сидел в дальнем углу, низко наклонившись над одним из столов, и явно был поглощен работой. Услышав наши шаги, он обернулся и, узнав моего попутчика, вскочил со стула и огласил лабораторию радостным криком:

— Нашел! Нашел!

С торжествующим видом студент бросился нам навстречу с пробиркой в руке.

— Представляете, мне все-таки удалось найти реагент, который осаждается только гемоглобином и ничем иным!

Наверное, на его лице не отразилось бы большей радости, если бы он открыл золотоносную жилу.

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Здравствуйтесь, — радушно приветствовал меня молодой человек пожатием руки, которое оказалось крепче, чем можно было ожидать. — Надо полагать, вы недавно из Афганистана.

— Да, а как вы догадались? — опешил я.

— Пустяки, — усмехнувшись, бросил он. — Гемоглобин, вот что сейчас важно. Вы, конечно, понимаете, какое значение имеет мое открытие.

— Несомненно, это весьма важно для химии, — сказал я. — Но с практической точки зрения...

— Что вы, для судебной медицины это самое практичное из открытий нескольких последних лет! Разве вы не понимаете, что это дает возможность безошибочно распознавать кровь? Вот смотрите. — Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым работал до нашего прихода. — Давайте возьмем немного свежей крови, — с этими словами он вонзил длинную булавку себе в палец. Выступившую каплю крови он собрал химической пипеткой. — Сейчас я растворю это ничтожное количество крови в литре воды. Вы видите, что в результате вода осталась такой же прозрачной и ничем не отличается от обычной чистой воды, верно? Соотношение крови к воде не более чем один к миллиону. Но я абсолютно уверен, что сейчас мы увидим характерную реакцию.

Говоря это, Холмс бросил в сосуд несколько белых кристалликов, после чего добавил пару капель прозрачной жидкости. Тут же содержимое сосуда окрасилось в коричневатый цвет и на дно стеклянной банки опустился бурый осадок.

— Ха-ха! — торжествующе вскричал Шерлок Холмс и даже захлопал в ладоши, ликуя, как ребенок, получивший новую игрушку. — Что вы на это скажете?

— Весьма любопытно, — заметил я.

— Прекрасно! Замечательно! Старый метод с гваяковой смолой⁹ был весьма неудобен и давал большую погрешность. Как и изучение частиц крови через микроскоп — оно вообще применимо только в том случае, когда пятна крови свежие. Если им несколько часов, микроскопическое исследование бесполезно. Теперь же не имеет значения, насколько стара кровь. Если бы мой метод был открыт раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно разгуливают на свободе, были бы привлечены к ответственности за свои преступления.

— Да, действительно, — пробормотал я.

— Для очень многих уголовных дел именно этот пункт имеет решающее значение. Иногда подозреваемого задерживают через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Предположим, при обследовании его одежды и вещей были обнаружены пятна бурого цвета. Что это? Следы крови, грязи, ржавчины или капли сока, наконец? Этот-то вопрос и ставил в тупик большинство экспертов. А почему? Потому что не существовало способа точно установить их природу. С появлением метода Шерлока Холмса это будет проще простого.

Сверкая глазами, он приложил руку к сердцу и поклонился, должно быть представил себе рукоплещущую толпу.

— Вас, очевидно, следует поздравить, — заметил я, несколько удивившись его воодушевлению.

— В прошлом году во Франкфурте рассматривалось дело фон Бишофа. Если бы тогда существовал мой метод, его бы наверняка повесили. А Мэйсон из Брэдфорда! А знаменитый Мюллер, а Лефевр из Монпелье или Сэмсон из Нового Орлеана! Я могу перечислить десятки дел, в которых это открытие сыграло бы решающую роль.

— Вы, похоже, настоящий ходячий справочник преступлений, — рассмеявшись, вставил Стэмфорд. — Вам нужно издавать газету на эту тему. Назовите ее «Криминальные новости вчерашнего дня».

— Это было бы весьма интересное издание, — вскользь заметил Шерлок Холмс, заклеивая пластырем ранку на пальце. — Нужно быть осторожным, — сказал он и с сияющим лицом повернулся ко мне. — Я часто имею дело с ядами.

Он протянул вперед руку, и я увидел, что вся она усеяна маленькими кусочками пластыря и кожа на ней была неестественного белого цвета — явно от воздействия какой-то сильной кислоты.

— Однако мы пришли не просто так, — перешел к делу Стэмфорд. Он уселся на высокий табурет на трех ножках и носком ботинка подтолкнул мне второй такой же. — Мой друг подыскивает себе жилье, и, поскольку вы жаловались, что не можете найти соседа по квартире, я решил вас познакомить.

Судя по лицу Шерлока Холмса, перспектива жить со мной под одной крышей его обрадовала.

— Я уже присмотрел квартиру на Бейкер-стрит, — сказал он. — Она вполне подойдет нам обоим. Надеюсь, вы ничего не имеете против

запаха крепкого табака?

— Я и сам курю сигары, — ответил я.

— Прекрасно. Я постоянно вожусь с химическими реактивами и иногда провожу опыты. Это не доставит вам неудобств?

— никоим образом.

— Так... Какие у меня еще недостатки? Иногда я впадаю в хандру и не разговариваю по нескольку дней. Но когда такое происходит, не думайте, что я чем-то обижен. Просто не трогайте меня, и скоро я приду в норму. А в чем можете признаться вы? Двум молодым мужчинам всегда лучше знать отрицательные черты друг друга, если они собираются жить вместе.

От такого вопроса я рассмеялся.

— У меня щенок бульдога¹⁰, — сказал я. — И я не люблю шума, потому что у меня расшатаны нервы. Еще я имею привычку просыпаться посреди ночи и к тому же страшно ленив. У меня есть и другие отрицательные черты, но они проявляются, только когда я здоров, так что на сегодняшний день это все.

— А игру на скрипке вы не относите к шуму? — с тревогой в голосе спросил Холмс.

— Все зависит от скрипача, — ответил я. — Если скрипач хорош, слушать его — наслаждение. Если плох...

— Отлично, — засмеялся он. — Думаю, можно считать, что мы договорились... Конечно, если вас устроит квартира.

— Когда можно на нее посмотреть?

— Заезжайте за мной сюда завтра в полдень. Съездим вместе на Бейкер-стрит и все уладим, — ответил он.

— Хорошо... Завтра ровно в полдень, — сказал я, и мы пожали друг другу руки.

Оставив Шерлока Холмса в химической лаборатории, мы пошли пешком к моей гостинице.

— Кстати. — Я вдруг остановился и повернулся к Стэмфорду. — Как, черт возьми, он догадался, что я вернулся из Афганистана?

Мой попутчик загадочно улыбнулся.

— Это его конек, — сказал он. — Многие хотели бы знать, как он обо всем догадывается.

— Ага! Здесь пахнет загадкой! — воскликнул я, потирая руки. — Это интригует. Я очень благодарен вам за то, что вы нас

познакомили. В конце концов, ведь «подлинное познание всего человечества — это познание одного человека»¹¹.

— В таком случае лучшего объекта для познания вам не найти, — сказал мне на прощание Стэмфорд. — Только Холмс — крепкий орешек. Бьюсь об заклад, что он уже знает о вас больше, чем вы о нем. Всего доброго.

— Всего доброго, — ответил я и зашагал дальше к гостинице, размышляя о своем новом знакомом.

Глава II. Искусство делать выводы

Как и было условлено, мы с Шерлоком Холмсом встретились на следующий день ровно в полдень и, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же поехали смотреть квартиру в доме номер 221-Б на Бейкер-стрит¹², о которой он говорил во время нашей первой встречи. В квартире были две уютные спальни и просторная общая гостиная с двумя большими окнами, обставленная удобной мебелью. Апартаменты показались нам подходящими во всех отношениях, а плата, если делить на двоих, оказалась столь незначительной, что мы тут же договорились о найме. В тот же вечер я перевез свои вещи из гостиницы, Шерлок Холмс привез несколько коробок и чемоданов на следующее утро. Еще пару дней ушло на то, чтобы разобрать и разместить в квартире наше имущество. Покончив с этой непростой работой, мы наконец смогли расслабиться и стали обживать свой новый дом.

Холмс оказался не самым худшим соседом. Шума он не создавал и придерживался постоянного распорядка дня. Почти не бывало такого, чтобы он ложился спать после десяти, а завтракал и уходил Холмс рано утром, еще до того, как я просыпался. Иногда он весь день проводил в химической лаборатории, иногда в прозекторской, а бывало, что просто гулял, и, что интересно, похоже, в самых глухих районах Сити. Иногда Шерлок Холмс уходил в работу с головой, и тогда ничто не могло сравниться с его энергичностью, но бывало, что его охватывала какая-то непонятная хандра, и тогда он мог целый день пролежать на диване в гостиной, не произнося ни слова и даже не шевелясь. В такие дни я замечал в его глазах такое умиротворенное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы своего соседа

в употреблении какого-нибудь наркотика, если бы не знал, насколько он сдержан в своих желаниях.

Шли недели, и мой интерес к этому человеку вместе с намерением разобраться в его целях и взглядах на жизнь постепенно становились глубже и острее. Даже внешний вид Холмса способен был привлечь внимание случайного наблюдателя. Росту в нем было более шести футов¹³, а благодаря необычайной поджарости он казался и того выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, кроме тех периодов оцепенения, о которых я уже упоминал. Узкий ястребиный нос придавал его лицу оттенок настороженности и решительности. К тому же у Холмса был квадратный выступающий подбородок, характерный для людей уверенных в себе и энергичных. Руки Шерлока Холмса постоянно были в чернильных пятнах и следах от химикатов, но, несмотря на это, он обладал необычайной точностью движений, в чем я не раз имел возможность убедиться, наблюдая за тем, как он управляется со своими хрупкими алхимическими приборами.

Меня, вероятно, можно посчитать докучливым любителем совать нос в чужие дела, если я признаюсь, какой интерес вызвал у меня этот человек и как часто я пытался пробиться сквозь стену молчаливой замкнутости, которой Холмс окружил все, что касалось его самого. Но, прежде чем читатель вынесет мне приговор, я хочу напомнить, какой бесцельной была моя жизнь и сколь мало меня окружало такого, на что я мог бы обратить свое внимание. Здоровье не позволяло мне выходить на улицу, кроме тех дней, когда погода была исключительно благоприятной, к тому же у меня не было друзей, которые навещали бы меня и нарушали однообразие моего существования. В данных обстоятельствах я по-настоящему обрадовался тайне, которая ореолом окружала моего соседа, и проводил значительную часть своего времени в попытках разгадать ее.

Медицину Холмс не изучал. Как-то раз он сам в ответ на мой прямой вопрос подтвердил предположение Стэмфорда относительно этого пункта. Никаких книг, которые обычно штудируют желающие получить ученую степень в науке или какой-либо другой области, в его руках я не видел. Но в то же время его интерес к определенным дисциплинам был очевиден, хотя кое в чем познания Холмса были поразительно узки и ограничены. Нет сомнения, что никто не стал бы так отдаваться работе или добиваться такой скрупулезной точности

в деталях, если бы перед ним не стояла определенная цель. Те, кто занимается чтением бессистемно, редко отличаются особым вниманием к малозначительным деталям прочитанного. Никто не забивает себе голову мелочами, если на то нет серьезных оснований.

Невежество Холмса было так же примечательно, как и его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он не знал ровным счетом ничего. Однажды, когда я процитировал Томаса Карлейля¹⁴, Шерлок Холмс с самым простодушным видом поинтересовался, кто это такой и чем он известен. Впрочем, мое изумление достигло предела, когда я случайно узнал, что мой сосед не знаком с теорией Коперника и строением Солнечной системы. Я просто не мог взять в толк, как это образованный человек девятнадцатого века может не знать, что Земля вращается вокруг Солнца.

— Вы, кажется, удивлены, — улыбнулся Холмс, видя мое изумление. — Теперь, когда вы мне об этом сообщили, я постараюсь как можно быстрее это забыть.

— Забыть?

— Видите ли, — пояснил он, — я считаю, что мозг человека изначально чем-то похож на маленький пустой чердак, и вы сами должны выбирать, чем его заполнить. Дурак тащит в него все, что попадается ему на глаза, и в результате знания, которые могут оказаться полезными, теряются среди ненужного хлама. В лучшем случае, чтобы до них добраться, приходится разгрести целую кучу мусора. Человек вдумчивый очень внимательно выбирает то, что поместить на своем чердаке. Там у него хранятся только те инструменты, которые необходимы ему для работы, но их у него много, и все они содержатся в идеальном порядке. Неправильно думать, что стенки этой небольшой комнатки эластичны и могут расширяться до любых размеров. Рано или поздно наступает такой момент, когда, для того чтобы запомнить что-то новое, приходится забыть кое-что из того, что вы знали раньше. Поэтому чрезвычайно важно не забивать память ненужными знаниями, которые мешают сохранять необходимые.

— Но это же Солнечная система! — не унимался я.

— Что Солнечная система? — нетерпеливо оборвал меня Холмс. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы

вращались вокруг Луны, для меня и моей работы это точно так же не имело бы никакого значения.

Я уже хотел спросить, что это у него за работа такая, но что-то подсказало мне, что в данную минуту этот вопрос был бы не к месту. Позже я обдумал этот короткий разговор и сделал кое-какие выводы. Холмс сказал, что ему не нужны знания, не относящиеся к его работе. Следовательно, все имеющиеся у него знания ему необходимы. Я перечислил в уме все известные мне темы, в которых у него были самые глубокие познания. Я даже взялся за карандаш и принялся составлять список. Закончив, я не смог удержаться от улыбки. Вот как выглядел сей документ:

ШЕРЛОК ХОЛМС — познания и умения.

1. Литература — отсутствуют.
2. Философия — отсутствуют.
3. Астрономия — отсутствуют.
4. Политика — незначительные.
5. Ботаника — отрывочные. Хорошо знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. С садоводством не знаком совершенно.
6. Геология — практические, но ограниченные. На глаз различает разные виды почв. После прогулок показывает мне пятна грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из каких они районов Лондона.
7. Химия — глубокие.
8. Анатомия — точные, но бессистемные.
9. Криминальная хроника — огромные. Похоже, знает в деталях каждое преступление, совершенное в нашем веке.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Отлично фехтует и боксирует.
12. Прекрасно знает английские законы.

Перечитав составленный список, я в отчаянии швырнул его в камин.

«Если бы только, сопоставив все эти сведения, я разобрался, что движет этим парнем, я смог бы понять род занятий, для которых нужен именно такой набор познаний и навыков, — подумал я. — Нет, пожалуй, это слишком сложно. Можно даже не браться».

Вижу, что я упомянул об умении Холмса играть на скрипке. Действительно, с этим инструментом он управлялся превосходно, но

его странности проявлялись даже здесь. То, что он мог сыграть даже довольно сложные партии, было мне хорошо известно: однажды по моей просьбе Холмс исполнил «Песни» Мендельсона¹⁵ и кое-что еще из любимых мною вещей, но, оставаясь один, он редко музицировал и вообще извлекал из скрипки звуки, похожие на музыку. По вечерам, откинувшись на спинку кресла, Шерлок Холмс закрывал глаза и начинал монотонно водить смычком по струнам, положив скрипку поперек колена. Иногда у него получались довольно громкие и заунывные звуки. Иногда — яркие и веселые. Нет сомнения в том, что они отражали его мысли, но помогала ли музыка мыслительному процессу, или же Холмс играл просто потому, что у него возникало такое желание, я был не в силах понять. Я мог бы потребовать прекратить это издевательство над инструментом, если бы мой сосед каждый раз не заканчивал свои соло быстрым попури из моих любимых произведений, очевидно, в качестве небольшой компенсации за испытание моего терпения.

Первую неделю или около того у нас не было посетителей, и я уже начал подумывать, что мой сосед такой же нелюдим, как и я, но потом выяснилось, что у него довольно много знакомых, причем из самых разных слоев общества. Среди них был один невысокий парень с крысиным лицом землистого цвета и маленькими черными глазками, которого мне представили как мистера Лестрейда. В течение одной недели он побывал у нас три или четыре раза. Однажды утром к нам зашла девушка, одетая по последней моде. Она провела в нашей квартире около получаса или даже больше. В тот же день, только чуть позже, к нам наведлся седовласый джентльмен весьма потертого вида, похожий на еврея — уличного торговца. Мне показалось, что он был крайне возбужден. Следом за ним явилась пожилая женщина в стоптанных башмаках. Был случай, когда мой сосед долго беседовал с совершенно седым гостем, а в другой раз — с вокзальным грузчиком в вельветиновой форме. Кто бы из этой пестрой компании ни появлялся в нашем доме, Шерлок Холмс неизменно просил меня оставить его наедине с посетителем в гостиной, и мне приходилось уходить в свою комнату. Впрочем, мой сосед всегда извинялся за причиненные мне неудобства.

— Мне придется использовать эту комнату в качестве рабочего кабинета, — говорил он. — Все эти люди — мои клиенты.

У меня появился еще один шанс задать прямой вопрос относительно рода его деятельности, но тактичность вновь помешала мне вызвать его на нежелательную откровенность. Я посчитал, что у Холмса есть причины не распространяться на эту тему, но оказалось, что я ошибался, поскольку вскоре он сам завел об этом разговор.

Четвертого марта (у меня были основания запомнить эту дату) я проснулся несколько раньше обычного и застал Шерлока Холмса дома. Он завтракал. Наша домовладелица уже привыкла, что я встаю поздно, поэтому на столе меня не ждали ни завтрак, ни кофе. Со свойственным всем мужчинам беспочвенным раздражением я вызвал ее звонком и сообщил, что уже проснулся и жду завтрак. После этого взял со стола журнал, собираясь с его помощью скоротать время. Мой сосед молча дожевывал гренки. Один из заголовков был обведен карандашом, и я, естественно, пробежал статью глазами.

В ней под несколько претенциозным названием «Книга жизни» рассказывалось о том, как много может узнать внимательный человек, наблюдая за всем, что его окружает. Меня поразило, как в этом сочинении сплелись воедино удивительная проницательность автора и полнейшая нелепость рассматриваемой им темы. В рассуждениях была логика и здравый смысл, но выводы показались мне чересчур натянутыми и раздутыми. Автор статьи пытался убедить читателя в том, что по выражению лица, малейшему движению мускулов или взгляду можно определить самые потаенные мысли человека, и опытного специалиста обмануть невозможно: его выводы будут такими же верными, как теоремы Евклида. Для неподготовленного человека это может выглядеть настолько необычно, что, если ему не объяснить, каким образом наблюдатель пришел к своим выводам, он может счесть того колдуном.

«По капле воды, — говорилось в статье, — логик может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, ни разу в жизни не видев и не слышав ни о первом, ни о втором. Так и вся наша жизнь представляет собой одну гигантскую цепь, о сущности которой можно судить, имея перед глазами лишь одно из звеньев. Как и любой другой вид искусства, искусство делать выводы и анализировать постигается долгим и упорным изучением, но ни один смертный не в состоянии прожить так долго, чтобы достичь в этом искусстве совершенства. Прежде чем углубляться в являющиеся

наиболее сложными моральные и психологические аспекты данного вопроса, наблюдателю следует обратиться к решению более простых задач. Для начала можно попытаться, глядя на постороннего человека, определить, чем он занимается, где работает, что пережил. Хоть данное упражнение может на первый взгляд показаться легкомысленным, оно обостряет наблюдательность, помогает понять, на что нужно обращать внимание и как это правильно делать. Ногти, рукава, обувь, пузыри на коленях, мозоли на указательном и большом пальцах, выражение лица, воротник сорочки — любое из перечисленного может дать исчерпывающую информацию о роде деятельности человека. Соединенные воедино, эти факторы дают способному наблюдателю почти полную гарантию безошибочности выводов».

— Какая несусветная чушь! — воскликнул я и швырнул журнал обратно на стол. — Ничего более глупого мне читать не приходилось.

— О чем вы? — спросил Шерлок Холмс.

— Вот об этом, об этой статье, — сказал я и, усаживаясь за завтрак, ткнул ложечкой для яиц в сторону журнала. — Вижу, вы тоже это читали, раз там стоит ваша пометка. Не спорю, написано интересно, но статейки подобного рода меня раздражают. Наверняка все это теории какого-нибудь бездельника, который от нечего делать сидит в своем кабинете в уютном кресле и сочиняет всякие несуществующие парадоксы. К чему все это? Его бы следовало посадить в вагон третьего класса подземки, вот тогда я бы посмотрел, как он стал бы определять профессии попутчиков. Я бы поставил тысячу против одного, что у него ничего не выйдет.

— И проиграли бы, — спокойно обронил Шерлок Холмс. — Что же касается статьи, это я ее написал.

— Вы?

— Да, меня привлекает искусство наблюдать и делать выводы. Теории, которые я изложил в статье и которые показались вам такими оторванными от жизни, на самом деле имеют удивительно широкое практическое применение... Настолько практическое, что с их помощью я зарабатываю себе на хлеб насущный.

— Как это? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Скажем так, это моя профессия. Возможно, во всем мире я единственный, кто занимается этим делом. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это значит. Здесь в Лондоне полным-полно

сыщиков, и государственных, и частных. Когда эти господа заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их по нужному следу. Когда они предоставляют мне все собранные по делу улики, мне обычно удается, используя свои познания в истории преступлений, расставить все точки над «і». Все противозаконные деяния схожи, так что, если имеешь в своем распоряжении подробности тысячи подобных дел, согласитесь, было бы странно не разобраться в тысяча первом. Лестрейд — хороший сыщик. Последнее дело о подлоге оказалось ему не по зубам, поэтому он и приходил сюда.

— А ваши остальные посетители?

— В основном их направляют ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди столкнулись с неприятностями и хотят, чтобы я помог им разобраться. Я выслушиваю их рассказ, а они — мои комментарии, после чего я кладу в карман вознаграждение.

— Вы хотите сказать, — продолжал удивляться я, — что, не покидая своей комнаты, вы способны разгадать загадку, которая ставит в тупик других сыщиков, хотя они обладают той же информацией, что и вы?

— Именно. Чаще всего я полагаюсь на свою интуицию. Но попадаются и случаи посложнее. Тогда мне приходится вылезать из берлоги, чтобы взглянуть на все своими глазами. Видите ли, я располагаю обширными знаниями в определенных областях, которые и использую для решения задач, что значительно упрощает дело. Правила построения выводов, изложенные в статье, которая вызвала у вас такое негодование, для моей работы бесценны. Наблюдение и анализ вошли для меня в привычку. Во время нашей первой встречи вас удивило, когда я упомянул, что вы недавно вернулись из Афганистана.

— Наверное, вам кто-то об этом рассказал.

— Ничего подобного. Я *пришел к выводу*, что вы были в Афганистане. Мысли у меня в голове несутся с такой скоростью, что я вижу конечный результат логической цепочки, даже не задумываясь о промежуточных звеньях. Но тем не менее эти звенья существуют. В вашем случае они складывались в такой последовательности: «Этот джентльмен выглядит как врач, но имеет выправку военного. Значит, он военный врач. Недавно он вернулся из тропиков, поскольку у него смуглое лицо, и это не его естественный оттенок кожи, так как на запястьях кожа светлая. Этот человек пережил физические страдания

и перенес болезнь, о чем явно свидетельствует изможденное лицо. Был ранен в левую руку: держит ее осторожно и неестественно, как бы оберегая. Где в тропических широтах английский армейский врач мог так измучиться и получить ранение в руку? Разумеется, только в Афганистане». Раскручивание цепочки не заняло и секунды. Потом я упомянул о вашем возвращении из Афганистана, чем и удивил вас несказанно.

— Мда-а, теперь, после ваших объяснений, все действительно кажется очень просто, — улыбнулся я. — Вы напомнили мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Однако я не представлял себе, что такие люди встречаются не только на страницах книг, но и в жизни.

Шерлок Холмс встал и раскурил трубку.

— Наверняка вы считаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, — заметил он. — Но лично я считаю Дюпена посредственностью. Его фокус с угадыванием мыслей друга и произнесением своевременного замечания после пятнадцатиминутного молчания кажется мне дешевым трюком, рассчитанным на броский эффект, к тому же весьма неглубоким. Да, не спорю, Дюпен обладал определенным аналитическим даром, но уж никак не был таким феноменом, каким его видел По.

— А вы читали Габорио? — поинтересовался я. — Лекок соответствует вашему представлению о настоящем сыщике?

Шерлок Холмс презрительно фыркнул.

— Лекок — жалкий дилетант, — отрезал он. — У него была только одна положительная черта — его энергия. Эта книга вывела меня из себя. Перед Лекоком стояла задача выяснить личность заключенного. Я бы с этим справился за сутки. У Лекока на это ушло где-то полгода. Из этой книги вышел бы хороший учебник о том, как не следует вести себя сыщикам.

Надо сказать, меня возмутило, что к двоим из моих любимых литературных персонажей отнеслись так пренебрежительно. Я отошел к окну и стал смотреть на оживленную улицу. «Парень он, конечно, очень умный, — подумал я, — но и зазнайства ему не занимать».

— В наши дни уже не бывает настоящих преступлений и действительно умных преступников, — сокрушенно вздохнул Шерлок Холмс. — Для нашей профессии мозги уже не нужны. Я знаю, что мог бы стать знаменитостью, потому что нет и никогда не было

такого человека, который вложил бы в изучение преступлений столько же энергии и природного таланта, сколько вложил в это дело я. И что в результате? Мне не на чем совершенствоваться. Сплошная мелочь, топорно сработанные преступления, в которых мотивы настолько очевидны, что их разглядит даже любой полицейский из Скотленд-Ярда.

Его надменная манера вести разговор начала уже порядком меня раздражать, поэтому я решил, что лучше сменить тему.

— Интересно, что там ищет этот парень? — сказал я, кивнув в направлении высокого плечистого мужчины простоватого вида, который медленно шел по противоположной стороне улицы, внимательно всматриваясь в номера на стенах домов. В руках он сжимал большой голубой конверт, который, очевидно, и должен был доставить по нужному адресу.

— Вы имеете в виду этого отставного сержанта морской пехоты? — спросил Шерлок Холмс, подойдя к окну.

«Самонадеянный позер! — продолжал мысленно негодовать я. — Знает ведь, что его нельзя проверить».

Не успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, заметив номер над крыльцом нашего дома, перебежал через дорогу. Через секунду раздался громкий стук в дверь, потом снизу послышался густой мужской голос и тяжелые шаги, поднимающиеся по лестнице. Дверь распахнулась.

— Письмо мистеру Шерлоку Холмсу, — сказал вошедший и протянул конверт моему другу.

Мне показалось, что подвернулся удобный случай сбить с зазнавшегося сыщика спесь. Наверняка он не думал, что все так обернется.

— Позвольте спросить, дружище, — обратился я к незнакомцу самым вкрадчивым голосом. — Кем вы работаете?

— Курьером, сэр, — грубовато произнес он. — Форму я пока отдал в починку.

— А кем вы были до этого? — спросил я, злорадно поглядывая на своего соседа.

— Сержантом, сэр. Королевский полк легкой морской пехоты. Ответ будете передавать? Нет? Хорошо, сэр.

Он щелкнул каблуками, попрощался на военный манер, вскинув руку, и вышел из комнаты.

Глава III. Тайна Лористонского сада

Признаюсь, став свидетелем такого наглядного примера практического применения теории моего товарища, я был ошеломлен. Моя оценка его аналитических способностей возросла неимоверно. Конечно, где-то в глубине сознания у меня еще теплилось подозрение, что все это было подстроено заранее, специально чтобы поразить меня, хотя какие цели мог преследовать Шерлок Холмс, втягивая меня в эту игру, оставалось за пределами моего понимания. Когда я перевел на него глаза, он уже успел прочитать письмо, его взгляд сделался отсутствующим, тусклым, что свидетельствовало о напряженной умственной работе.

— Как вам удалось это вычислить? — спросил я.

— Вычислить что? — раздраженно бросил Холмс.

— Ну как? То, что он — отставной сержант морской пехоты.

— У меня сейчас нет времени заниматься пустяками, — резко ответил мой сосед, но тут же с улыбкой добавил: — Прошу прощения за грубость. Вы прервали нить моих умозаключений... Но, пожалуй, даже вовремя. Так что, вы действительно не догадались, что этот мужчина — сержант морской пехоты?

— Нет, не догадался.

— Понять мне это было проще, чем сейчас объяснить вам, как именно я это понял. Если вас попросить объяснить, почему дважды два четыре, вы тоже столкнетесь с определенными трудностями, хотя вы вполне уверены в правильности результата. Даже через улицу я смог разглядеть большой голубой якорь, вытатуированный у него на тыльной стороне ладони. Это навело на мысль о море. Военная выправка и моряцкие бакенбарды. Значит, военный моряк. Вел себя он уверенно, как человек, который осознает собственную важность и привык давать указания. Вы не могли не обратить внимания на то, как он держал голову и размахивал тростью. Солидный, уважаемый мужчина средних лет. Его лицо... В общем, все эти признаки и указали мне на то, что он сержант.

— Просто поразительно! — воскликнул я.

— Ничего особенного, — скромно сказал Холмс, хотя по его лицу было видно, что мое удивление и нескрываемое восхищение ему приятны. — Я только что жаловался, что у нас перевелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался... Взгляните!

Он передал мне письмо, доставленное курьером.

— Боже мой! — вскричал я, пробежав глазами записку. — Это ужасно!

В послании говорилось:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три в Лористонском саду за Брикстон-роуд было совершено преступление. Наш патрульный примерно в два часа заметил в доме свет и, поскольку этот дом пустует, решил, что там что-то происходит. Он увидел, что дверь открыта, вошел в прихожую здания, из которого вывезена вся мебель, и обнаружил на полу тело прилично одетого мужчины. В кармане у мужчины лежали визитные карточки с надписью «Енох Джей Дреббер, Кливленд, Огайо, США». Следов ограбления нет. Непонятно, что послужило причиной смерти. Мы не знаем, как он попал в пустой дом. Все это дело представляется мне настоящей загадкой. Если у вас есть возможность, приезжайте по этому адресу, до двенадцати часов я буду там. В ожидании вашего ответа я пока оставляю здесь все status quo¹⁶. Если не сможете приехать, представлю более детальный отчет позже и буду очень благодарен, если вы поделитесь со мной соображениями по этому делу.

Искренне ваш,

Тобиас Грегсон».

— Грегсон — самый умный из сыщиков Скотленд-Ярда, — заметил мой друг. — Он и Лестрейд — единственные светлые головы среди дураков. И тот, и другой сноровисты и энергичны, но обоим не хватает... выдумки, души, если хотите. Они привыкли действовать по старинке, к тому же точат зубы друг на друга. Знаете, они ревнивы, как девицы на выданье. Будет довольно смешно, если их обоих бросят на это дело.

Меня поразило, как спокойно он перемывает косточки своим коллегам-сыщикам.

— Нельзя терять ни секунды! — вскричал я. — Давайте я вызову вам кеб.

— Я не уверен, что поеду туда. Должно быть, я самый большой лодырь на свете... иногда бываю, потому что могу быть и довольно активным.

— Но почему? Ведь это как раз такой случай, которого вы дожидались.

— Дорогой друг, мне-то что от этого? Предположим, я распутаю это дело. Можете быть уверены, что все лавры будут пожинать Грегсон, Лестрейд и компания. Такова участь неофициального лица.

— Но он просит вас о помощи.

— Да. Грегсон понимает, что как сыщик он во сто крат хуже меня, и не боится мне в этом признаться. Только он скорее отрежет себе язык, чем расскажет об этом кому-нибудь другому. Но, если уж вам так хочется, можно и съездить. Проведу свое собственное параллельное расследование. Ничего не заработаю, так хоть посмеюсь над ними. Решено! Едем!

Холмс порывисто набросил пальто, что говорило о том, что энергичное начало возобладало в нем над безразличием.

— Надевайте шляпу, — велел он.

— Вы хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если у вас нет других занятий.

Через минуту мы уже неслись в двуколке к Брикстон-роуд.

Утро было туманным, облачным, крыши домов окутывала серая дымка, похожая на зеркальное отражение грязных улиц внизу. Но мой друг пребывал в самом прекрасном расположении духа. Он всю дорогу рассуждал о кремонских¹⁷ скрипках и о различиях между инструментами работы Страдивари и Амати. Я же сидел молча, поскольку пасмурная погода и не располагающий к веселью повод нашей поездки вогнали меня в тоску.

— Вас, похоже, не сильно интересует дело, которым вам предстоит заняться, — наконец заговорил я, прервав музыкальный экскурс Холмса.

— Я пока не располагаю фактами, — простодушно ответил он. — Непростительная ошибка строить теории, не имея на руках всех улик. Это может повлечь за собой неправильные выводы.

— Сейчас у вас появятся факты, — сказал я, махнув рукой в сторону показавшейся впереди улицы. — Это Брикстон-роуд. А вот, если не ошибаюсь, и тот самый дом.

— Да, это он и есть. Кучер, остановите!

До дома оставалось еще ярдов сто, но Холмс настоял на том, чтобы дальше мы пошли пешком.

Всего в Лористонском саду было четыре дома, два обитаемых и два пустующих. Дом номер три выглядел неприветливо, даже зловеще. Он таранился на дорогу тремя рядами мрачных окон, черных и унылых. На замызганных стеклах то тут, то там катарактой выделялись приклеенные бумажки с надписью «Сдается». Редкий садик лишь кое-где давал о себе знать чахлой растительностью между домами и дорогой. Его пересекала узкая дорожка, представляющая собой раскисшую желтоватую смесь глины и гравия. Благодаря дождю, не прекращавшемуся всю ночь, вокруг было ужасно сыро. Сад окаймляла трехфутовая кирпичная стена с деревянной решеткой наверху. Тут же, прислонившись к ней плечом, стоял дюжий констебль¹⁸, вокруг которого небольшой группкой толпились зеваки. Они с любопытством поглядывали в сторону дома, вытягивали шеи, надеясь рассмотреть, что происходит внутри.

Я думал, что Шерлок Холмс сразу направится к дому и с жаром примется за изучение обстоятельств загадочного дела, но он повел себя совершенно иначе. С безразличным видом, который в данных обстоятельствах я уже готов был принять за откровенный цинизм, он не спеша походил по тротуару, окинул взглядом землю, посмотрел на небо, потом на дома на противоположной стороне и на деревянную решетку. Покончив с осмотром, Холмс медленно двинулся по тропинке, точнее, по траве, растущей вдоль тропинки, к дому, при этом сосредоточенно всматриваясь в размокшую землю. Два раза остановился, причем один раз улыбнулся и удовлетворенно хмыкнул. На мокрой глинистой земле было множество следов, но я не мог понять, как он надеется что-то разобрать в этой каше, если все уже было перемешано снующими туда-сюда полицейскими. Впрочем, однажды я уже убедился, какой поразительной наблюдательностью обладал этот человек, поэтому не сомневался, что он видит под ногами много такого, что от меня было скрыто.

У дверей дома нас встретил высокий бледный мужчина с пшеничными волосами и записной книжечкой в руках. Завидев моего спутника, он бросился к нему, на ходу протягивая руку.

— Спасибо, что приехали! — воскликнул мужчина. — Я распорядился, чтобы тут ничего не трогали и оставили все как было.

— Кроме этого, — Холмс указал на истоптанную дорожку. — Стадо бизонов и то меньше бы наследило. Но я полагаю, Грегсон, прежде чем допустить такое, вы сами все там осмотрели и сделали собственные выводы? — У меня было столько работы в доме, — уклончиво ответил сыщик. — Тут присутствует мой коллега, мистер Лестрейд. Я понадеялся, что он за этим проследит.

Холмс покосился на меня и многозначительно поднял брови.

— Если уж делом занимаются сразу два таких специалиста, как вы и Лестрейд, то привлекать к расследованию кого-то третьего, по моему, просто не имеет смысла, — сказал он.

Грегсон, приняв замечание Холмса за чистую монету, довольно потер руки.

— Мне кажется, мы тут уже сделали все, что можно было сделать, — повеселевшим голосом сказал он. — Но преступление это необычное, а вы, я знаю, как раз такие и любите.

— Вы приехали в кебе?

— Нет, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже нет.

— Тогда давайте взглянем на комнату, — удивил нас нелогичным переходом Холмс и устремился внутрь дома. Сбитый с толку Грегсон пошел следом за ним.

Короткий запущенный коридорчик, с полом из голых досок, вел в кухню и кабинеты. В коридоре было две двери. Одна из них явно не открывалась как минимум несколько месяцев, вторая же вела в столовую, где и произошло загадочное событие. Туда-то Холмс и направился, а я последовал за ним с тяжелым чувством, которое всегда охватывало меня в присутствии смерти.

Это была большая квадратная комната, которая из-за полного отсутствия мебели казалась еще просторнее. На стенах — аляповатые бумажные обои в пятнах плесени. Кое-где они отсырели и кусками отваливались от стен, обнажая желтую штукатурку. Прямо напротив двери находился пышный, облицованный искусственным белым мрамором камин, казавшийся в этой пустой комнате чужеродным предметом. Бросалась в глаза недогоревшая красная восковая свеча на

углу каминной полки. Единственное окно здесь было таким грязным, что проникающий через него свет казался серым и призрачным, обесцвечивая все вокруг. Впечатление усиливалось еще и тем, что все в доме было покрыто толстым слоем пыли.

Но все это я рассмотрел потом. В ту секунду мое внимание было привлечено к одиноко распростершемуся на дощатом полу страшному мертвому телу. Застывшие глаза были раскрыты и устремлены в выцветший потолок. Это был мужчина немного за сорок, среднего телосложения, широкоплечий, с жесткими вьющимися черными волосами и короткой, едва начавшей отрастать бородкой. На нем был добротный сюртук из плотной ткани, жилет, светлые брюки и сияющие белизной накладной воротничок и манжеты. Рядом с ним на полу я заметил начищенный до блеска цилиндр. Мужчина лежал, широко раскинув руки со стиснутыми кулаками, хотя нижние конечности его были крепко переплетены. Все это говорило о том, что он умирал в мучениях. Неподвижное лицо мертвеца было сведено судорогой от такого ужаса и, как мне показалось, ненависти, каких мне еще не доводилось видеть. Эта ужасная маска — низкий лоб, приплюснутый нос и сильно выступающая нижняя челюсть — делали его похожим на большую обезьяну. Неестественная поза только подчеркивала сходство. Я видел смерть в разных ее проявлениях, но никогда еще она не являлась мне в таком ужасном обличье, как в этом темном и грязном доме, находившемся рядом с одной из главных магистралей лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и как всегда похожий на хорька, стоял рядом с дверью. Он поздоровался с нами, когда мы вошли.

— Это преступление наделает много шума, — заметил он. — Я такое вижу в первый раз, а я, знаете ли, стреляный воробей.

— И никаких зацепок? — спросил Грегсон.

— Ни единой, — уверенно ответил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к труп, присел и внимательно осмотрел тело.

— Вы уверены, что на теле нет повреждений? — спросил он, покосившись на многочисленные пятна и лужицы крови, которые были здесь повсюду.

— Совершенно! — одновременно воскликнули оба сыщика.

— Что ж, значит, это кровь второго... Вероятно, убийцы, если здесь имело место убийство. Это напоминает мне дело о смерти фон Янсена в тридцать четвертом. Вы помните это утрехтское [19](#) дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Покопайтесь в архивах... Очень вам советую. Ничто не ново в этом мире. Нечто подобное обязательно уже случалось ранее.

Пока Холмс говорил, его руки летали над телом, что-то ощупывали, прижимали, расстегивали, отворачивали, хотя в глазах сохранялось все то же отстраненное выражение, о котором я уже упоминал. Обследование прошло так быстро, что можно было только догадываться, насколько тщательным оно было. Наконец Холмс понюхал губы мертвеца и осмотрел подошвы лакированных кожаных туфель.

— Его не двигали? — спросил он.

— Нет, только слегка приподнимали, осматривая.

— Ну все, можно увозить в морг, — сказал Холмс. — Все, что можно было, я выяснил.

Грегсон сделал знак рукой, и в комнату вошли четверо полицейских. Они переложили труп на принесенные с собой носилки и вынесли. Когда приподнимали тело, откуда-то выпало и покатилося по деревянному полу кольцо. Лестрейд подобрал его и удивленно поднес к глазам.

— Что же это?! Выходит, здесь побывала женщина?! — воскликнул он. — Это женское обручальное кольцо.

Он протянул в нашу сторону раскрытую ладонь, на которой лежал маленький золотой кружочек. Все мы подошли к инспектору и стали рассматривать колечко, которое, несомненно, когда-то украшало пальчик невесты.

— Это усложняет дело, — нахмурился Грегсон. — Хотя его и так простым не назовешь.

— Вы полагаете? — обронил Холмс. — Ладно, хватит любоваться кольцом. Вы нашли что-нибудь в карманах у жертвы?

— Да, все лежит там, — сказал Грегсон и указал на горку предметов на одной из нижних ступенек лестницы. — Золотые часы, номер 97163, изготовленные Баро, Лондон. Золотая цепочка, очень тяжелая и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка... в виде головы бульдога, глаза выполнены из рубинов.

Визитница из русской кожи с карточками на имя Еноха Джей Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам Е. Д. Д. на носовом платке. Кошелек не было, но в карманах было найдено семь фунтов и тринадцать шиллингов²⁰. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с надписью «Джозеф Стэнджерсон» на титульном листе. Два письма... Одно на имя Е. Д. Дреббера, второе адресовано Джозефу Стэнджерсону.

— Адрес указан?

— Американская фондовая биржа, Стэнд... до востребования. Оба письма от пароходной компании «Гийон» и касаются отплытия из Ливерпуля. Совершенно очевидно, что этот бедняга собирался плыть в Нью-Йорк.

— Вы уже начали поиски этого Стэнджерсона?

— Сэр, я это сделал первым делом, — не без гордости сказал Грегсон. — Я сразу же разослал объявления во все газеты, и один из моих людей отправился на американскую биржу. Но он еще не вернулся.

— С Кливлендом связались?

— Сегодня утром телеграфировали.

— И как вы сформулировали запрос?

— Мы просто указали обстоятельства и написали, что будем рады любой информации, которая может оказаться полезной следствию.

— Может быть, какие-нибудь детали, которые показались вам особенно важными, вы оговорили отдельно?

— Я спросил про Стэнджерсона.

— И все? Это, по-вашему, ключ к раскрытию преступления? Или вы собираетесь еще раз телеграфировать?

— Я все сказал, сэр, — обиженным тоном произнес Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и уже хотел было что-то сказать, но тут в переднюю вбежал Лестрейд, который, пока мы разговаривали, сходил еще раз в комнату. Сыщик довольно и весьма энергично потирал руки.

— Мистер Грегсон, — объявил он, — я только что сделал важнейшее открытие. Если бы не я, никто бы ничего не заметил!

Глаза маленького человечка прямо-таки сияли от самодовольства, он был ужасно рад, что сумел обскакать своего коллегу, и явно с трудом сдерживал ликование.

— Вот, посмотрите! — воскликнул Лестрейд и, не дожидаясь нас, снова скрылся в комнате. Все последовали за ним. После того как из комнаты вынесли ее страшного обитателя, здесь стало намного легче дышать. — Встаньте сюда! Мне пришло в голову внимательно осмотреть стены. И что я вижу...

Лестрейд чиркнул спичкой по подошве ботинка и поднес ее к стене. — Вот, полюбуйте! — торжествующе сказал он.

Я уже упоминал, что в комнате обои кое-где отстали от стен. В углу, на который указал Лестрейд, со стены свисал довольно большой кусок, а на его месте желтел квадрат оголившейся грубой штукатурки. Там кроваво-красными буквами было написано одно слово: «RACHE».

— Как вам такое? — вскричал детектив с видом конферансье, объявляющего неожиданный номер. — Надпись не заметили, потому что это самый темный угол во всей комнате. Никому просто не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей кровью. Видите этот след от капли крови, которая стекла по стене? Теперь мы знаем, что это не самоубийство. Почему надпись сделана именно в этом углу, спросите вы? Я отвечу. Видите на камине свечу? В момент совершения убийства она горела, и эта часть стены была наоборот самой освещенной во всей комнате!

— Ну хорошо, вы заметили надпись, но в чем же заключается ваше открытие? Вы догадались, что означает это слово? — спросил Грегсон, как будто не замечая возбуждения, охватившего его коллегу.

— Ну конечно! Тот, кто это писал, хотел изобразить на стене женское имя Рейчел²¹, но не успел закончить, потому что его или ее спугнули. Помяните мои слова, когда дело будет раскрыто, выяснится, что в нем замешана женщина по имени Рейчел. Можете смеяться сколько душе угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и проницательны, но даже вам не обойтись без такой старой ищейки, как я.

— Прошу прощения! — сказал мой друг, который неожиданно и громко рассмеялся, чем, судя по всему, задел самолюбие маленького человечка. — Конечно же, надо отдать вам должное, вы первый из нас обнаружили эту надпись, которая, как вы совершенно точно заметили, судя по всему, была сделана тем вторым, кто был здесь вчера ночью. Я пока еще не успел осмотреть всю комнату, но теперь, с вашего разрешения, этим и займусь.

Холмс достал из кармана рулетку, большое круглое увеличительное стекло на ручке и стал стремительно и бесшумно передвигаться по комнате, иногда останавливаясь, опускаясь на колени, один раз даже улегся на пол лицом вниз. Похоже, Холмса так захватило это занятие, что он даже забыл о нашем присутствии, потому что, не умолкая ни на секунду, что-то бормотал себе под нос, то и дело оглашая комнату радостными восклицаниями, вздохами, присвистами и азартными выкриками, свидетельствующими о том, что дело продвигается успешно, точно в соответствии с его расчетами. Мне он в ту минуту показался удивительно похожим на хорошо натасканную чистокровную гончую, которая носится по лесу, подвывая от нетерпения, пока снова не возьмет след. Больше двадцати минут Шерлок Холмс продолжал свои исследования, самым тщательным образом замеряя расстояния между какими-то отметинами на полу, которые я, как ни старался, так и не смог разглядеть. Несколько раз он прикладывал рулетку и к стенам. Я уже перестал надеяться, что смогу понять, что он там хотел высмотреть. В одном месте Холмс чрезвычайно осторожно поднял с пола комок серой пыли и положил его в отдельный пакетик. К начертанному на стене слову Шерлок Холмс приступил в самую последнюю очередь. Каждая буква была тщательно изучена через увеличительное стекло с максимальным вниманием. Покончив со словом, он удовлетворенно кивнул и спрятал в карман рулетку и лупу.

— Говорят, что гений — это терпение, — с улыбкой произнес он. — Это ужасное определение, но к работе детектива оно подходит полностью.

Грегсон с Лестрейдом наблюдали за работой своего коллеги-любителя с интересом, но и с некоторым презрением. Они явно не понимали того, что уже начало постепенно доходить до меня: любые действия Шерлока Холмса направлены на достижение совершенно определенных практических целей.

— Ну и что вы скажете? — в один голос спросили они.

— Знаете, мне не хочется лишать вас славы своим вмешательством, — с нескрываемой насмешкой заметил мой друг. — По-моему, вы и сами прекрасно справляетесь и не нуждаетесь в посторонней помощи. Если вы посчитаете нужным держать меня в курсе того, как продвигается ваше расследование, я буду рад оказать

вам любую помощь, которая в моих силах. А пока я хотел бы побеседовать с констеблем, который обнаружил тело. Не могли бы вы назвать мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свою записную книжечку.

— Джон Рэнс, — прочитал он. — Сейчас он как раз не на дежурстве. Его адрес Кеннингтон-парк Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

— Пойдемте, доктор, — сказал он. — Проведаем этого молодца. Вам я могу дать один совет, — Шерлок Холмс повернулся к двум детективам. — Здесь было совершено убийство, и убийца — мужчина. Ищите человека ростом не ниже шести футов, в расцвете лет, у которого непропорционально маленькие для его роста ступни. Он носит тяжелые ботинки с квадратными носками и курит трихинопольские сигары²². Сюда он приехал вместе с жертвой в четырехколесном экипаже, в который была запряжена лошадь с тремя старыми и одной новой подковой на правом переднем копыте. Скорее всего, у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это не все приметы, но и они могут помочь вам.

Лестрейд и Грегсон недоверчиво переглянулись.

— Если вы знаете, как выглядит убийца, может быть, вы расскажете еще и как было совершено убийство? — спросил Грегсон.

— Отравление, — бросил Холмс и направился к двери. — Да, вот еще что, Лестрейд, — он остановился у двери и обернулся. — «Rache» по-немецки — «мечь», так что не стоит тратить время на поиски мисс Рейчел.

Глава IV. Что поведал Джон Рэнс

Когда мы покинули Лористонский сад, был час дня. Мы с Шерлоком Холмсом зашли на ближайший телеграф, там он составил и отослал длинную телеграмму. Потом Холмс остановил кеб и назвал извозчику адрес, который дал нам Лестрейд.

— Самые ценные показания те, которые получены из первых рук, — сказал мой друг, когда мы тронулись в путь. — Вообще-то это дело для меня уже не представляет загадки, но все равно стоит собрать всю доступную информацию.

— Вы меня поражаете, Холмс, — сказал я. — Не может быть, чтобы вы были настолько уверены в своих выводах. Наверняка вы хотели просто покрасоваться перед сыщиками.

— Нет, ошибка исключена, — ответил он. — Когда мы приехали туда, я первым делом обратил внимание на следы кеба, которые остались рядом с тротуаром, хотя до вчерашней ночи дождя не было целую неделю. Чтобы оставить такие глубокие отпечатки, экипаж должен был простоять там всю ночь. Кроме того, там были и отпечатки копыт лошади. Контур подковы на одном из копыт просматривался намного четче, чем на остальных трех, значит, эта подкова новая. Поскольку кеб стоял там, когда начался дождь, но наутро его уже не видели (это я выяснил у Грегсона), напрашивается вывод, что и убийца, и жертва приехали туда вместе.

— Да, пожалуй, — согласился я. — А как вы догадались о росте убийцы?

— Проще простого. В девяти случаях из десяти рост человека можно определить по длине его шага. Достаточно просто произвести некоторые подсчеты. Мне нет смысла сейчас утомлять вас цифрами. И в саду на мокрой земле, и в доме на пыльном полу было достаточно отпечатков подошв этого типа, чтобы определить длину его шага. К тому же у меня была отличная возможность проверить свои выводы. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно поднимает руку на уровень глаз. Когда я увидел, что надпись сделана на высоте чуть больше шести футов, я окончательно убедился, что был прав.

— А возраст? — спросил я.

— Человек, который в состоянии без труда перескочить четыре с половиной фута, вряд ли окажется дряхлым стариком. Это длина лужи в саду на дорожке к дому, которую он перепрыгнул. Лакированные туфли обошли ее вокруг, а ботинки с квадратными носками просто перемахнули. В том, что я говорю, нет никакой тайны. Я просто применяю в обычной жизни некоторые из тех принципов наблюдения и дедукции²³, которые я отстаивал в своей статье. Что-нибудь еще вам непонятно?

— Длина ногтей и трихинопольские сигары.

— Надпись на стене была сделана указательным пальцем, смоченным в крови. Благодаря увеличительному стеклу я заметил, что рядом с буквами остались небольшие царапины, которые не могли бы

там появиться, если бы у того, кто это написал, ногти были коротко подстрижены. С пола я подобрал немного пепла, темного, в виде хлопьев. Такой пепел дают только трихинопольские сигары. Видите ли, я специально изучал различные виды сигарного пепла... Даже написал монографию на эту тему. Могу с гордостью сказать, что я невооруженным взглядом различаю пепел как сигар, так и табака любых существующих производителей. Именно такие мелочи и отличают истинно талантливого сыщика от таких горе-профессионалов, как Грегсон и Лестрейд.

— А как вы узнали, что у убийцы красное лицо?

— А вот это было уже не так очевидно, хотя я совершенно уверен, что моя догадка окажется верной. Но пока еще рано об этом говорить.

Я провел рукой по лбу.

— Голова идет кругом. Чем больше думаешь об этом деле, тем загадочнее оно кажется, — заметил я. — Что заставило двоих мужчин — если второй был мужчиной, конечно, — приехать ночью в этот пустой дом? Куда подевался кучер, который их привез? Как одному удалось заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Какова причина убийства, если это не было ограбление? Как туда попало женское кольцо? И самое главное, зачем, прежде чем уйти, второй написал на стене немецкое слово «RACHE»? Должен признаться, я не в силах увязать все эти факты воедино.

Холмс одобрительно кивнул.

— Вы сейчас удивительно точно изложили все самые скользкие моменты этого дела, — сказал он. — Много еще остается непонятым, хотя общая картина мне совершенно ясна. Что касается открытия бедного Лестрейда, то это всего лишь уловка, дешевая попытка направить следствие по ложному следу. Убийца хотел навести полицию на мысль о социалистах и тайных обществах. Надпись была сделана не немцем. «А», если вы заметили, написана на немецкий манер, но настоящие немцы всегда пишут обычную латинскую букву, поэтому можно с уверенностью сделать вывод, что слово написано не немцем, а неумелым имитатором, который к тому же несколько перестарался. Он рассчитывал, что сыщики заглотнут наживку. Но я вам больше ничего не буду рассказывать, доктор. Вы же знаете, что если фокусник заранее объяснит свой трюк, никому не будет интересно на него смотреть. Я тоже не хочу раскрывать вам все

методы своей работы, иначе вы станете считать меня самым обычным человеком.

— Такого не будет никогда! — горячо воскликнул я. — Вы возвели метод дедукции в ранг настоящей науки.

Мой друг прямо-таки зарделся от этих слов и от того, как искренне они были произнесены. Я давно заметил, что он радуется, когда хвалят его аналитические способности, как девушка, которой отпускают комплименты по поводу ее красоты.

— Могу вам еще кое-что сказать, — не удержался он. — Лакированные туфли и ботинки с квадратными носками приехали туда в одном кебе и к дому шли вместе, как закадычные друзья... может быть, даже под руку. Оказавшись внутри, они ходили по всей комнате... вернее, ходили ботинки, а туфли стояли на одном месте. Все это я определил по следам на пыльном полу. Расхаживая, убийца все сильнее возбуждался, это видно по тому, как увеличивался его шаг. Он все время говорил и постепенно довел себя до состояния бешенства. Потом случилась трагедия. Я рассказал вам все, что известно мне на данную минуту. Все остальное — лишь предположения и догадки. Впрочем, это и так неплохо для начала. Нам нужно поторапливаться, я хочу успеть на концерт оркестра Халле²⁴ — послушать Неруду-Норман.

Пока мы разговаривали, наш кеб громыхал по бесконечным грязным мостовым и унылым переулкам. Посреди самых глухих и мрачных трущоб мы неожиданно остановились.

— Одли-Корт, — извозчик указал на узкую щель между двумя кирпичными стенами. — Я вас здесь подожду.

Одли-Корт выглядел негостеприимно. Тесный проход вывел нас в миниатюрный квадратный дворик, вымощенный плитняком. Вокруг громоздились серые угрюмые дома. Мы прошли мимо стайки чумазных детишек, мимо развешенного на веревках выцветшего белья и подошли к дому номер сорок шесть. На двери красовалась медная табличка с выгравированной фамилией хозяина: Рэнс. Спросив мистера Джона Рэнса, мы узнали, что констебль отдыхает. Нас провели в маленькую гостиную — подождать, пока он спустится.

Наконец появился хозяин дома, явно недовольный тем, что его подняли с постели.

— Я все написал в отчете в управлении, — сказал он.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ